

С тех пор как «Жуисюань» ввёл у себя чанфэнь, торговля у лотка «Чжоу-Чжоу чанфэнь» пошла прямо вниз. Прежде очередь под палящим солнцем могла тянуться до противоположной стороны улицы, а теперь что там противоположная сторона, если очередь доходила до соседнего лотка, уже можно было считать, что сегодня пришло немало людей.

Хозяин соседнего чайного лотка тоже немного тревожился, но всё-таки он много лет занимался торговлей и умел держаться спокойно. Людей стало меньше - и пьющих чай тоже стало меньше.

Но хозяин чайного лотка сдержался и не пошёл расспрашивать Чжоу Сяолэ. В тот день кто-то громко кричал, что в «Жуисюане» чанфэнь бесплатный; об этом знала вся улица, так как мог не знать хозяин чайного лотка? Просто он понимал: у Чжоу Сяолэ от того, что у него отбили покупателей, на душе наверняка тяжело, и потому не стал добавлять ему беспокойства.

Чжоу Сяолэ заранее предполагал, что в эти несколько дней торговля будет плохой, поэтому рисовой массы смолот не так уж много; от обеденного времени он прямо отказался, сначала делали только завтрак. Даже если дела рухнули почти до дна, старые клиенты всё ещё их поддерживали, и в утренние часы лоток выглядел не настолько пустынно.

— Лэ-гэр, сегодня, наверное, останется немало рисовой массы, — Чжоу Чуся качнул ведро и примерно прикинул, сколько уйдёт на людей, которые сейчас ещё стоят в очереди.

Чжоу Сяолэ сказал:

— Ничего. Если не израсходуем, вечером заберём назад, пусть Дачэн-сао и остальные потренируются.

Несколько дней подряд людей становилось всё меньше и меньше, и в конце концов они вернулись к тем временам, когда за день продавали всего одно ведро рисовой массы.

Сердце Чжоу Сяолэ потяжелело. Скорость, с которой покупателей убывало, оказалась быстрее, чем он думал.

Шэнь Юй вошёл снаружи, держа в руке коробку с едой. Увидев Чжоу Сяолэ, он поманил его к себе и сказал:

— Купил. Давайте попробуем?

К этому времени последний человек, евший чанфэнь под навесом, уже поднялся и ушёл. Чжоу Сяолэ погасил огонь и велел всем подойти и сесть. Он открыл крышку и с первого взгляда понял: вид у этого чанфэня и правда был неплохой. А со второго взгляда уже понял, почему он неплох.

Потому что это был тот самый узор, который он делал в резиденции правителя префектуры!

Шэнь Юй с улыбкой спросил:

— Знакомо, да?

— Да какое там знакомо, — Чжоу Сяолэ холодно хмыкнул дважды. — Я уже начинаю подозревать, не ходила ли моя душа во сне и не вселялась ли в повара «Жуисюаня»...

— ...

— Что такое? — Чжоу Чуся услышал, что в их словах есть скрытый смысл, и спросил: — Неужели Лэ-гэр уже видел этот узор?

Шэнь Юй громко рассмеялся, явно радуясь чужой беде:

— Да не просто видел. Этот узор твой Лэ-гэр собственными руками делал!

— А? — изумился Чжоу Чуся. — И что это значит?

— Когда я готовил чанфэнь в резиденции правителя префектуры, было пятьдесят порций, и каждая разная. Та, что лежит перед вами, как раз один из узоров тех пятидесяти порций, — объяснил Чжоу Сяолэ.

— ...Да это же совсем бесстыдство, — Дачэн-сао говорила прямо и сразу высказала то, что было у всех на сердце.

— Всего лишь пятьдесят узоров. Раз я смог выложить пятьдесят, смогу выложить и пятьсот, — равнодушно сказал Чжоу Сяолэ.

Он разложил все четыре порции чанфэня, затем попросил Цзи Хая принести несколько тарелок, разделил чанфэнь на маленькие части - каждому по кусочку, чтобы все присутствующие попробовали.

Этот чанфэнь был слишком мягким и разваренным: стоило взять палочками, и он рвался, а местами даже слипался в комья. Соус был полит только сверху и не проникал в саму фэнь. Откусишь, и во время жевания вкус есть лишь на поверхности, а внутри всё пресное.

Чжоу Сяолэ предположил, что время замачивания риса у них, скорее всего, было неверным: структура фэни получилась грубой, с крупинками. Он даже заподозрил, что «Жуисюань» вовсе не собирается по-настоящему продавать чанфэнь, а лишь хочет испортить ему имя, заставить

людей думать, будто чанфэнь именно такой на вкус. Те, кто не понимает, в чём дело, естественно, не захотят есть его во второй раз.

Шэнь Юй попробовал один кусок и тут же отложил палочки. Остальные же, придерживаясь мысли, что еду нельзя переводить зря, всё-таки доели.

Только, доев, они тут же залили всё несколькими чашками чая, чтобы сбить жирность. Непонятно, как там вообще смешали соус: сладкий вкус перемешивался с маслом.

Шэнь Юй сказал:

— Лэ-гэр, потом обязательно приготовь мне порцию. Надо смыть этот предвзятый ужас к чанфэню.

Чжоу Сяолэ налил ему чашку чая и сказал:

— Хорошо. У Ся-гэра очаг ещё горит, потом приготовим тебе одну порцию.

— Такой вкус... даже не понимаю, как они это едят, — Чжоу Чуся нахмурился, полный недоумения.

— Скорее всего, идут на слово «бесплатно». Какой бы цены ни была порция димсамов, к ней дают чанфэнь в подарок. Вкусно или нет - неважно, живот набить можно. Людей туда наверняка немало пойдёт.

Шэнь Юй спросил:

— Лэ-гэр, что собираешься делать?

Чжоу Сяолэ долго молчал, размышляя, а потом вздохнул:

— Пока не придумал. Понаблюдаем ещё несколько дней.

Все притихли. Если не удастся придумать хороший способ, торговля у лотка день ото дня будет становиться всё хуже, и чем всё закончится, каждый мог представить.

Настроение на время стало унылым.

Чжоу Сяолэ приготовил для Шэнь Юя заказанную порцию чанфэня и упаковал её. Как раз наступил полдень; обычно в это время все у лотка уже должны были закрыться в работе. Но сегодня людей пришло немного, даже очаг открыли только один. Закончив с этой небольшой

волной гостей, Чжоу Сяолэ решительно свернул лоток, а оставшуюся рисовую массу забрал назад, чтобы Дачэн-сао и остальные могли потренироваться.

Эти трое оказались довольно понятливыми. После нескольких попыток вкус уже выходил неплохой, и Чжоу Сяолэ прикинул: ещё несколько дней, и их можно будет считать обученными.

Лошадь Сюй Гуаня узнавала Чжоу Сяолэ. В эти дни, пока Сюй Гуаня не было, поводья держал именно он. Лошадь была умная: её почти не приходилось понукать, дорогу она знала и сама бежала куда надо.

Едва они вернулись к входу в деревню, как увидели человека, стоявшего на мосту. Чжоу Сяолэ погнал повозку через мост - и вот совпадение: это оказался Чжоу Линь.

После того как Чжоу Линь устроился в «Жуисюань», он редко возвращался в деревню: Жуисюань давал и еду, и жильё, поэтому большую часть времени он жил в городке. Сейчас был не праздник, и в доме Чжоу Дэжуна вроде бы тоже ничего не случилось. С чего это Чжоу Линь вдруг вернулся именно теперь?

Чжоу Сяолэ взглянул на него. Вид у Чжоу Линя был несколько самодовольный. Чжоу Сяолэ не стал обращать на него внимания и, развернувшись, поехал на восток.

Чжоу Линь бросил ивовый лист, который держал в руке, и пошёл на запад.

В последний раз он возвращался в деревню ещё на Цинмин, а теперь прошло уже несколько месяцев. Деревня по-прежнему была всё той же: старые обветшалые дома, повсюду бурьян. На западной стороне зажиточных семей было больше, и выглядела она всё же приличнее восточной.

Он шёл по дороге, и многие встречные здоровались с ним, один за другим спрашивая, почему он в такое время вернулся в деревню. Чжоу Линь вежливо отвечал парой слов, но не задерживался. Пройдя не так уж далеко, он у самых ворот дома встретил своего третьего младшего брата, Чжоу Сяодуна.

Чжоу Сяодун только что услышал от деревенских, что кто-то видел Чжоу Линя у моста при входе в деревню, и сразу же побежал домой. Но, прибежав, он никого не увидел, поэтому вышел ждать у ворот. Прождав немного и уже собираясь снова бежать к деревенскому входу, он как раз увидел, что Чжоу Линь возвращается.

— Старший брат! — Чжоу Сяодун издали окликнул его. — Старший брат, когда ты вернулся? Я только что слышал от тётушки, что она встретила тебя у моста, а я ещё подумал, что она несёт чепуху.

Пока он договорил, Чжоу Линь уже подошёл к нему.

Чжоу Линь сказал:

— Вернулся около полудня. Когда переходил мост, увидел в реке несколько жирных рыб и сначала хотел поймать, но под рукой не было снастей, вот и оставил. А ты почему здесь? Где отец с матерью?

— Отец ушёл в поле, — сказал Чжоу Сяодун, заходя в дом следом за Чжоу Линем. — Мать дома.

— Мать! — Чжоу Сяодун крикнул в сторону главной комнаты: — Старший брат вернулся!

Ван Гуйчжэнь, услышав крик, поспешно выбежала. Увидев Чжоу Линя, который не возвращался домой уже несколько месяцев, она радостно спросила:

— Да Линь, как это ты вернулся? Хозяин дал тебе выходной?

Сказав это, она увидела, как второй сын, Чжоу Юн, вышел из кухни, и тут же бросила ему:

— Не видишь, старший брат вернулся? Иди налей воды!

Чжоу Юн чуть кивнул Чжоу Линю, позвал его «брат» и снова ушёл на кухню.

Чжоу Линю со вторым братом говорить было особенно не о чем. Поздоровавшись, он прошёл вслед за Ван Гуйчжэнь в главную комнату и сел. Чжоу Сяодун тем временем выхватил из его рук коробку с едой и поспешно открыл. Увидев, что внутри всё его любимые сладости, он тут же взял одну, отправил в рот и, зажмурившись от удовольствия, сказал:

— Как вкусно!

Ван Гуйчжэнь сказала:

— Вкусно - так ешь побольше. Старший брат всегда тебя балует.

Чжоу Юн принёс чайник с водой, и голоса беседующих сразу стихли. Он увидел сладости на столе, но сделал вид, будто их нет, взял стоявшую на столе чашку, налил воды и уже собирался вернуться на кухню.

Чжоу Линь остановил его:

— Второй брат, не съешь кусочек?

Чжоу Юн слегка покачал головой и ещё не успел сказать ни слова, как Чжоу Сяодун вдруг перестал жевать. Сладость набилась у него во рту, и щёки раздулись от обиды.

Он пробормотал:

— Второй брат вообще не любит сладости. Старший брат, зачем ты его зовёшь...

— Дун-гэр, — сказал Чжоу Линь, — он твой второй брат. Любит он есть или нет - это его дело, а позвать его или нет - твоё. Ты должен...

Увидев, что Чжоу Линь снова собирается его поучать, Чжоу Сяодун поджал губы, и слёзы тут же выступили у него на глазах. Сладость всё ещё была у него во рту, поэтому говорил он невнятно:

— Старший брат ... ты только вернулся и уже ругаешь меня... Я... я больше не буду есть!

— Ладно, ладно! — сказала Ван Гуйчжэнь. — Да Линь, ну ты тоже хорош. Только вернулся — и сразу поучаешь Дун-гэра. Эр Юн и так не любит сладкое, позовёшь - всё равно зря. Чего стоишь? Твой старший брат вернулся, наверняка голодный. Иди на кухню, свари ему чашку лапши. Не забудь положить яйцо!

Последняя фраза была обращена к Чжоу Юну. Услышав её, Чжоу Юн не показал никакого выражения, только кивнул и пошёл хлопотать на кухне.

— Второй брат сейчас выглядит уже вполне нормально, матушка, не надо... — Чжоу Линь, словно не выдержав, попытался вступить за него, но не успел договорить, как лицо Ван Гуйчжэнь помрачнело.

— Нормально? Где он нормальный? — слова Чжоу Линя будто задели у Ван Гуйчжэнь болезненное место.

Она с силой хлопнула по столу и гневно сказала:

— Даже когда бросает полено, мизинец оттопыривает. Он что, гэр? Или женщина? Он взрослый мужчина - чего пальцы так манерно выворачивает? И ходить нормально не умеет: у него что, пальцы на ногах не разлепляются? Непременно надо сжимать их вместе и так шагать? Тогда, если бы я не схватила нож и не собралась отрубить ему пальцы, он бы так и не исправился!

Чем больше Ван Гуйчжэнь говорила, тем сильнее злилась, будто снова вспоминала, как в

детстве Чжоу Юн играл в деревне, а люди смеялись над ним: мол, совсем не похож на мальчишку. Заодно высмеивали и её, родившую Чжоу Юна, спрашивали, неужели она одержима нечистым духом, раз произвела на свет такое ни мужское ни женское существо.

В детстве Чжоу Юн был красивым ребёнком: беленький, нежный, на голову ниже ровесников, маленький и очень милый. Нрав у него был застенчивый, говорить он не любил, и деревенские охотно поддразнивали его, играя с ним. Только потом он рос всё старше, и та его непохожесть в деревне стала особенно резать глаза.

У кого это мальчишка ходит, как девочка, застенчиво и жеманно?

У кого это мальчишка держит ложку так, как он, словно тонко щиплет её пальцами?

А стоило этому мизинчику оттопыриться - поза выходила выразительнее, чем у девиц из весёлого дома.

Постепенно людей в деревне, любивших поддразнивать его ради забавы, становилось всё больше и больше, и эти шутки, смешки и насмешки обрушивались на одного ребёнка. Те, кто смеялся над ним, не считали это неправильным; им казалось неправильным лишь то, что Чжоу Юн заставлял их смеяться. В деревне начали судачить, что Ван Гуйчжэнь, должно быть, натворила чего-то непристойного, вот и получила такое воздаяние. Сплетен в деревне становилось всё больше; когда они дошли до Чжоу Дэжуна, тот ещё и несколько раз избил её. В конце концов Ван Гуйчжэнь в ярости схватила кухонный нож и собралась отрубить Чжоу Юну пальцы.

Чжоу Юн плакал, кричал, клялся, что больше никогда не ошибётся, и разбил лоб в кровь, пока кланялся, лишь бы сохранить эти свои пальцы на руках и ногах. С тех пор в Чжоу Юне уже не осталось ни малейшей «ненормальности». Руки, годами привыкшие к тяжёлой работе, стали грубыми и потрескавшимися. Даже если мизинец теперь оттопыривался, в этом уже не было прежней жеманности, оставалось лишь что-то несуразное, ни то ни сё.

<http://bllate.org/book/17639/1991164>